

Я иду, стараясь не отставать и не сбавлять шага. Потому что стоит мне только зазеваться, и он вновь натянет цепи, прикреплённые к моим кандалам на руках и металлическому кольцу вокруг шеи. А если он дёрнет слишком резко, я могу упасть прямо в жидкую грязь, в которую превратилась дорога из-за недавнего ливня. Пачкать свою новую и пока что единственную одежду мне не хочется. Всё-таки эти рубашка и кафтан намного лучше тех практически разложившихся тряпок, в которых они подняли меня из могилы.

Я оглядываю зевак, собравшихся по обе стороны дороги. Они хоть и жмутся друг к другу, особенно когда мы проходим мимо, но не могут подавить любопытство, не зря ведь рискнули выбраться в такую глушь в столь ранний осенний час. Небо затянуло тяжёлыми серыми тучами, и не понять, ещё утро или солнце уже перевалило за полдень. Воздух буквально пахнет приближающейся зимой, а когда они

вытаскивали меня наружу за час до рассвета, дыхание с моих губ срывалось облачками пара, а под сапогами скрипел иней, покрывший траву.

На лицах людей отражается весь спектр эмоций при виде меня: от интереса и восторга до ужаса и даже отвращения. Хотя чему удивляться? Я уверена, что не каждый день им удаётся увидеть ожившего мертвеца из старых сказок. Но я не желаю становиться экзотическим животным, выставленным на потеху публике, и низко опускаю голову, а накинутый капюшон моего плаща позволяет игнорировать чужие взгляды.

При всем желании я не смогла бы скрыться от любопытных глаз. Среди окружающих нас блёклых оттенков моя длинная алая накидка издали бросается в глаза. У меня вырывается горькая усмешка, когда я понимаю, что они специально нарядили меня в эти ритуальные одежды, подчёркивая, кто я есть. Да, мы с сёстрами носили такие, чтобы выделяться на фоне зимних пейзажей и белоснежных покровов, принадлежавших нашей богине. Но сейчас я иду по грязи, пачкая подол. Мне должно быть абсолютно на это наплевать, однако в груди липким комом затаилось недовольство.

Таких, как я, было всего семь, включая меня. Мары. Так нас прозвали. Мы, как и обычные люди, пьём, спим, боимся, умираем, кричим, когда нам больно, но мы избраны с десятилетнего возраста и отмечены самой богиней смерти Мораной. Вы особенные, говорили одни, ваше предназначение

важно ничуть не меньше, чем сама жизнь, вторили другие, забирая нас от родных семей, чтобы воспитать ради какой-то призрачной высшей цели. Хочу, чтобы они повторили это ещё разок моим мёртвым сёстрам, чья плоть уже наверняка разложилась в их общей могиле. Или, может, их просто сожгли, и только моему телу не повезло каким-то образом уцелеть.

Когда-то, возможно, так и было. Возможно, мы были особенными, но всё изменилось.

Я умерла много лет назад, и мир теперь не тот, что раньше.

Он всё-таки дёрнул цепи, и я сделала один неуклюжий шаг вперёд, пачкая ботинки ещё больше. Будь это кто-то другой, я бы прошипела проклятия, и этот кто-то другой испугался бы, желая убраться от меня как можно дальше, боясь, что одна моя фраза может наслать порчу на весь его род. Но с этим мужчиной я посмела лишь на мгновение вскинуть испуганный взгляд, наталкиваясь на чёрно-золотую маску, которая полностью скрывает его лицо, наполовину утопая в тени накинутаго капюшона. Маска похожа на морду какого-то животного, скорее всего шакала, на месте глаз — чёрные провалы. Любой засомневается, что под этой маской вообще есть лицо настоящего человека. Хотя человек ли он — тоже спорный вопрос. Поговаривают, что под маской и вовсе нет лица, что там сама тьма или же голый череп. Точно никто сказать так и не смог, потому что никому пока не удавалось выжить после того,

как они узнавали правду. Таких, как он, зовут Морок. Слуга самой Тени, у которой нет ни начала, ни конца. Нет вообще ничего, кроме пустоты, тишины и бесконечного одиночества.

Я опускаю взгляд, прося прощения, а потом неуклюже, с чавкающим звуком, вытаскиваю ногу из грязи, чтобы продолжить движение. Больше я не смею на него смотреть, но чувствую нутром его пристальное внимание, как что-то тяжёлое и давящее. С нами два взвода стражи по пятнадцать человек, чтобы держать людскую толпу от меня на расстоянии. Но, мне кажется, они нам не особо и нужны, потому что никто даже под угрозой натянутой стрелы или лезвия у горла не рискнёт и близко подойти, пока Морок стоит рядом со мной. Если бы я могла, сама бы от него бежала подальше без оглядки.

«Разве могут кого-то бояться такие, как мы, отмеченные самой богиней смерти?» — когда-то спрашивала я одну из своих сестёр. И, оказывается, могут.

Таких, как Морок, боятся абсолютно все.

Именно Морок поднял меня из земли три дня назад, оживил, привязав к себе. Я дышу, пока дышит он, и только такие, как он, вообще способны на подобные чары. Никто не дал мне зеркала, и я не знаю, как выгляжу, хотя в первый же вечер ощупала своё лицо и не почувствовала ничего особенного, кроме того, что оно сильно осунулось. Оглядывая тело и руки, я заметила лишь, что кожа моя имеет сероватый, трупный оттенок, а когда-то длинные чёрные волосы поседели. Не красивой белизной, а серым, каким-

то мышинным оттенком. Я с отвращением смотрю на свои руки: пальцы такие худые, будто кости, обтянутые кожей, и я боюсь представить, как жутко, должно быть, выглядит моё лицо. Хотя люди не разбегаются в панике.

— Чуть позже оттенок станет более живым, — бросил мне Морок несколько часов назад, когда я беспрестанно скребла ногтями кожу на кистях, будто могла стереть трупную синеву.

Тогда я замерла от страха, слыша его голос. Он сильно искажается сквозь маску. Голос точно мужской, но невозможно сказать ничего о возрасте говорящего или о том, приятный это голос или нет. Я лишь успела ощутить поднимающуюся откуда-то изнутри пустоту и холод от его слов.

— А волосы? — Надо быть идиоткой, чтобы беспокоиться о таком.

Но он ответил в последний раз:

— Волосы останутся такими.

Больше спрашивать я не стала.

— Мы пришли! — довольно громко говорит принц, останавливая своего коня, когда дорога заканчивается, а мы все подходим к опушке леса.

— ВСЕМ ОСТАНОВИТЬСЯ! — басит капитан и тоже трогает поводья своей лошади.

Все солдаты, я и Морок замираем, а простой люд остаётся за нашими спинами метрах в пятнадцати, не смея подойти ближе.

Принц улыбается, поворачиваясь ко мне. Вероятно, он доволен выбором этого места, хотя я всё

ещё не знаю, зачем они меня сюда притащили, поэтому не спешу разделить его радость. Я оглядываю полосу мрачного леса впереди. Большая часть деревьев уже остались без листвы, а их корявые голые ветки торчат в разные стороны. Однако чуть дальше, в сумрачной глубине, количество вечнозелёных елей увеличивается, и невозможно разобрать, что же там прячется.

Принц ловко спрыгивает с коня и лёгким шагом идёт ко мне. В отличие от остальных этот молодой мужчина без брони. На нём чёрные штаны и наглухо застёгнутый удлинённый сзади чёрный мундир, отлично сидящий на его стройной фигуре. Золотая вышивка и эполеты подчёркивают статус, хотя уже по одной гордой осанке и плавной походке можно понять, что он обладает немалой властью. Не выказав какого-либо страха, он проходит мимо Морока, а тот лишь провожает его взглядом.

— Что ж, Мара, надеюсь, ты покажешь нам свою силу.

Принц говорит мягко, а улыбка касается не только губ, но и тёплых светло-карих глаз. Он обращается ко мне будто с просьбой, хотя она таковой не является. На вид ему около девятнадцати лет. Тот же возраст, в котором умерла я, но он — принц, а я — его пленница и ходячий мертвец. Он кивает капитану, и тот передаёт молодому человеку меч.

— Просите меня нарубить вам дров для костра? — Я равнодушно смотрю на оружие, которое принц теперь протягивает мне.

— Обращайся как подобает к его высочеству принцу Даниилу! — угрожающе рявкает капитан.

— Всё в порядке! — всё с той же улыбкой встречает принц.

Морока, может, я и боюсь, но не этого Даниила или его солдат. Худшее, что они могут сделать, — убить меня. А в моём положении это смешная угроза. Принц делает шаг ближе ко мне и наклоняется немного вперёд, чтобы остальным было труднее слышать:

— Позволь повторить, Агата. Я буду рад посмотреть на твои способности. — Я стараюсь не показывать удивления, что ему известно моё настоящее имя. — Мне стоило больших трудов убедить отца, что твоё воскрешение нам на руку. Не заставляй меня разочаровываться. Возможно, ты уже мертва, но не забывай, что всего одно слово, и ты отправишься в место, где будет гораздо хуже, чем здесь.

Меня прошибает озноб, и я кошусь на Морока, который наверняка всё слышал, стоя к нам ближе всех. Принц Даниил прав. Одно слово, и Морок может отправить меня в Тень. Это даже не конец, это хуже.

— Что я должна сделать?

— Умница. — Довольный принц хватается мою руку и, сжав пальцы, подтягивает к себе, пока другой рукой взмахивает в сторону леса. — Жители рассказали, что здесь скрывается упырь, утащивший нескольких молодых девушек в лес. Упыри ведь как раз по твоей части?

— Да.

— В этой местности подобной нечисти осталось не так много, но легенды гласят, что именно Мары или Мороки приходили на помощь в таких случаях, — продолжает он, не обращая внимания на мой ответ. — Сними с неё цепи, — бросает Даниил Мороку.

— Ваше высочество, разумно ли это? — встречает капитан, с опаской поглядывая на меня.

— Перестань так переживать, Дарий! А то сидины прибавится! — вновь отмахивается принц, а капитан Дарий хмурит брови. — Неужели ты ничего не знаешь о том, на что способен Морок? Эти цепи лишь для вида, чтобы люди не пугались. На самом деле они ни к чему.

Морок подходит ближе и начинает снимать с меня кандалы, вначале с рук, а потом и с шеи. Я стараюсь как можно меньше нервно дёргаться, когда его пальцы, затянутые в чёрные перчатки, касаются моей кожи. Морок на целую голову выше меня. Насколько у него крупное телосложение, мне не понять, потому что тело затянуто в чёрную кожаную броню и скрыто чёрной, немного потрёпанной временем мантией. Но из-за наплечников под плащом он выглядит очень внушительно. Рядом с ним мне хочется сжаться и стать как можно более незаметной.

— Чарами она привязана к Мороку и уйти далеко от него не сможет. А даже если попытается бежать, то он выследит. Будет чувствовать её словно пёс. Верно я говорю?

Морок кивает в ответ, а я облегчённо выдыхаю, когда он отходит. Не успеваю я потерять саднящую после оков шею, как принц подхватывает меня под руку и тащит к кромке леса. *Он либо сумасшедший, либо идиот.* У остальных хотя бы хватало ума не прикасаться ко мне.

— Агата, — он почти с нежностью тянет моё имя, — должен признать, времени прошло много, и сейчас байками о вас пугают детей и недалёких глупцов, что не понимают истинной ценности вашей силы, дарованной Мораной.

— И что же о нас говорят?

— Хм... например, что вы ходите зимой в ночи вокруг домов и называете имена, а кто откликнется — умрёт. А кто-то поговаривает, что после своей смерти вы встаёте и бродите по земле, держа свои головы под мышкой.

Я искоса смотрю на собеседника, пытаюсь понять, выдумал ли он это прямо сейчас или люди действительно превратили нас в персонажей для ночных кошмаров.

— Но я вырос на сказках о старых временах, — спокойно продолжает принц, — о том, как вы, Мары, избавляли леса от нечисти, как обрывали нити жизней у тиранов и даровали долголетие королям, которые были благородны и добры к своим подданным. Как яркие были ваши алые мантии на фоне белоснежного леса, как бела молочная кожа с нежным румянцем, как алы были губы, а волосы — черны, словно летняя ночь.

Я бы решила, что он насмехается надо мной, если бы не этот мечтательный блеск в глазах, устремлённых вперёд, когда он запускает руку в свои светлые, слегка прикрывающие уши, волосы.

— Я слышал, что каждая из вас была как сама богиня Морана, прекрасна и молода, будто её копия. — Принц, наконец, переводит взгляд на меня, и восхищение сменяется снисхождением с оттенком жалости в его улыбке.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не скривиться, пока он сочувственно похлопывает ладонью по моей кисти, которая покоится на его согнутой в локте руке. Я бы с радостью её вырвала, но принц держит крепко.

— Как жаль, что мне уже не удастся познакомиться с тобой и твоими сёстрами, когда вы были настолько сильны и едины. Хотел бы я быть принцем, когда все сказки были явью. Но мы ещё успеем поговорить. Буду рад, если ты расскажешь мне несколько волнующих моментов из своей жизни. А сейчас, пожалуйста, избавься от упыря.

Принц Даниил останавливается на полпути между своей охраной и кромкой леса. В этот раз я принимаю меч из его рук и в нерешительности замираю, когда он складывает руки на груди и в ожидании устремляет на меня взгляд.

— Не желает ли принц отойти к своему капитану? — Мои губы едва дёргаются в улыбке, когда он понимает намёк, что ему лучше убраться с дороги.

— Пожалуй, не желает. — Уголки его губ растягиваются ещё шире, показывая зубы. — Я люблю смотреть из первых рядов.

— Вы когда-нибудь видели упыря? — пытаюсь пристыдить его я.

— Я видел живописные иллюстрации в книгах, — парирует Даниил, явно не воспринимающий ситуацию всерьёз.

— Тогда одолжите мне и свой кинжал.

Принц приподнимает бровь, понимая, что останется безоружным. Меча при нём нет. Я стараюсь подавить ухмылку, наблюдая за его заминкой. Похоже, он плохо читал свои сказки, раз думает, что кинжал поможет ему защититься от меня. Хотя и с моей стороны будет глупо даже пытаться его убить.

— Это мой счастливый кинжал, буду ждать, что ты вернёшь его мне как можно быстрее, — говорит Даниил, протягивая оружие.

— Всенепременно, — сухо отвечаю я, принимая оружие, и иду вперёд ближе к деревьям.

Упырь.

Принц Даниил всё-таки обладает, может, и не полной или искажённой, информацией обо мне и моих сёстрах, но большая часть того, что он бормочет, верна. То, что мы отмечены богиней смерти, разве что звучит жутко. На деле мы приносили скорее пользу, хотя нередко в специфической форме. Мы можем упокоить то, что давно мертво, но по какой-то причине цепляется за старую жизнь и не хочет покидать этот мир. Такими как

раз являются упыри, бесы, призраки, полудницы, утопленники и другая нечисть. Обычному человеку, чтобы убить того же упыря, необходимо быть быстрым. Он должен знать, что твари нужно обязательно отрубить голову и руки; знать, что нужно держаться подальше от их зубов и что первое, куда целится нечисть, это шея. Если человеку удастся справиться с мертвецом, то стоит его как можно быстрее сжечь, иначе все старания станут напрасными. И это только упырь. Для другой нечисти свои правила, каждый вид опасен по-своему, и мало кто из обычных людей знает, как с ними справиться. Однако такие, как я или Морок, могут сделать всё сами.

Мары способны видеть и касаться того, что не замечают другие. Мне достаточно дотронуться до тварей, и я смогу с концами оборвать их жизни, дать шанс на переход, что им не удалось завершить. Именно этим мы и занимались раньше. Отправляли неуспокоенных в потусторонний мир.

Это было основной задачей всех Мар, но позже нас втянули в политику. Мы стали обрывать жизни правителей, которые несли разрушения, тиранов, которые едва не погубили свои страны. А пару раз я слышала, что сёстры ещё до моего рождения подарили долголетие двум королям. Это тоже было в наших силах, но тогда никто не знал, что такие сведения лучше держать в тайне, иначе однажды они станут тем, что может нас погубить. И так и произошло.

Мы не бессмертные, наши задачи опасны, и немало сестёр погибло, сражаясь с нечистью. Если же Маре удаётся прожить жизнь до конца, то она будет лишь в полтора раза длиннее обычной человеческой жизни. Раньше существовал баланс, Мар всегда было семь. И как только одна умирала, сразу где-то у другой десятилетней девочки открывались способности.

Но теперь я последняя и больше не вижу смысла платить пользой за причинённое нам зло. Однако вначале мне нужно избавиться от связи с Морокком, а значит, какое-то время придётся быть послушной. К тому же мне интересно, ради чего они пошли на такой риск, поднимая меня из могилы. Вряд ли дело в каком-то одном мертвце, что прячется в лесу.

Я скидываю капюшон и втягиваю носом воздух, пытаясь найти упыря. Он спит, прячась далеко в глубоких тенях еловых веток в ожидании вечера, когда солнечный свет не будет его тревожить. Запах гнили легко распознать среди свежести леса и влажной земли.

Принц Даниил хочет представления, почему бы и нет.

И я затягиваю песню, тихую ритуальную молитву, наложенную на мелодию. Губы непроизвольно изгибаются в улыбке, когда, слегка обернувшись, я отмечаю, что принц и его солдаты, как один, восхищённо вздохнули. Не только лица, но и красивые голоса являются отличительной чертой Мар. Они

нам нужны для того, чтобы петь подобные песни призыва, и твари, как под гипнозом, сбегались к нам. Это облегчает охоту, но есть и побочный эффект...

От меня не укрылось, что Морок всё понял. Его не восхищают ни голос, ни мелодия, он напряжённо опускает руки, ранее сложенные на груди, и делает несколько стремительных шагов в мою сторону. Не задумываясь, я поднимаю руку вверх, чтобы он оставался на месте, и, к моему удивлению, он послушно замирает, возможно, решая дать мне шанс.

По-честному, я сильно рискую. Мары прибежали к ритуальному призыву, только если рядом, бок о бок, стояло не меньше трёх сестёр. Однако моя собственная смерть сделала меня беспечной.

Растягивая ноты, я продолжаю напевать ещё несколько минут. Ощущаю, как звук вибрирует в грудной клетке, как лёгкие наполняются воздухом, а буквы сами складываются в знакомые слова.

Я чувствую, что они просыпаются. Как я и ожидала, упырь не единственный, кто услышал меня. По земле, отдаваясь слабой вибрацией в ногах, пошёл гул, птицы замолчали, напуганные тварями, что решили спрятаться в их лесном доме. Я заканчиваю петь и скидываю мантию, которая будет разве что мешать. Под ней у меня простые чёрные штаны, рубашка и наглухо застёгнутый кафтан бордового оттенка. Ничто из этого не спасёт ни от лезвия, ни от когтей и зубов, но я хотя бы смогу быстро двигаться.

Я сжимаю в руках меч и кинжал, спиной ощущая напряжённое ожидание, которое буквально давит на всех присутствующих. Выдыхаю и начинаю медленно, про себя, считать до тридцати, чувствуя каждый их шаг.

Девятнадцать...

Двадцать...

Двадцать один...

— Дорогая Агата, — тянет за спиной Даниил, уставший ждать.

Двадцать три...

— Ты пойдёшь в лес или тебе требуется помощь? — В его голосе слышится тонкая насмешка.

Двадцать четыре...

Двадцать пять...

Первый выныривает из тени деревьев быстрее, чем я рассчитывала. Мерзкое создание, больше похожее на демона, чем на человека. Тонкие руки и ноги с когтями, серая кожа с неприятным зелёным оттенком плотно обтягивает кости, а рот полон острых зубов. Я преграждаю ему дорогу, когда он пытается ринуться в сторону солдат. Уклоняюсь от когтей, ныряя под протянутую руку, и, оказавшись сзади, размашистым ударом вонзаю лезвие меча в стиб между шеей и плечом. Меч входит в его плоть с отвратительным звуком ломающейся ключицы и рвущейся кожи. Тварь, споткнувшись, падает. Всё произошло так быстро, что никто и не успел вскрикнуть, но я вижу, как побелело лицо принца, когда он смог рассмотреть сморщенную кожу упы-

ря, теперь лежащего лицом в жухлой траве. Этот упырь старый, давно бродит по земле, а его кожа и клочки сохранившихся волос и вправду отвратительны. Я наклоняюсь, чтобы быстрее завершить дело, показать настоящее колдовство, потому что воткнуть меч в тварь может любой из присутствующих. Касаюсь пальцами шеи упыря и ухватываю их — сверкающие, переливающиеся, словно бледное золото, нити, тянущиеся вдоль позвоночника. Нити жизни.

Именно это — наш особый дар, при желании мы можем их видеть, можем вытащить и укрепить, а можем оборвать. Их должно быть три, но у живых мертвецов всегда одна или две уже разорваны. У этого упыря до сих пор целы две. Я выпрямляюсь, сжимая сверкающие нити в кулаке как трофей, натягиваю до возможного предела, позволяя и обычным людям их увидеть. А потом, встречаясь с взглядом карих глаз принца, который не скрывает восхищения, рву нити, резко дёргая рукой вверх. Тело упыря содрогается и вновь затихает уже навсегда, а нити исчезают.

Руку после этого саднит, на ладони появляются два глубоких пореза, но кровь почти не выступает, потому что сердце не работает и не гоняет красную жидкость по моим венам. Я скрываю порезы, сжимая ладонь в кулак. Мне стоило просто перерезать нити кинжалом, как мы поступали всегда. Но я специально сделала это руками на глазах у Даниила, чтобы он знал, что при желании я и его жизнь обо-

рву с такой же лёгкостью. Я надеялась, что он ужаснётся, но в глазах принца загорается живой интерес, а лицо озаряет почти счастливая улыбка — улыбка человека, нашедшего алмаз вместо кварца. Я не успеваю задуматься над этим, как из леса выскакивает ещё один упырь. Поворачиваюсь к нему, теперь сжимая один лишь кинжал, ожидаю, что он бросится ко мне. Но тварь игнорирует меня, резко уходя в сторону. Я едва успеваю развернуться и швырнуть кинжал в голову нечисти, и та падает прямо под ноги принцу, не добежав до него буквально пары метров.

Отдаю должное королевскому наследнику, в обморок он не рухнул. Только сделал несколько шагов назад, но от улыбки и следа не осталось.

— Богиня... — выдыхаю я, понимая свою ошибку.

Мы переглядываемся с Мороком. Я не могу видеть его лица или понять, что он чувствует, но у меня ощущение, что мы оба подумали об одном и том же. Я рассчитывала, что все твари будут нападать на меня, стоящую ближе всех к линии леса, но забыла, что я и сама ходячий труп. Нежить же тянется к горячей крови. Я подбегаю ко второму упырю, вытаскиваю кинжал из его тела и перерезаю нити, чтобы он вновь не встал.

— Стоит ли мне волноваться, Агата? — натянуто спрашивает принц.

— Что вы, ваше высочество! — вру я, криво улыбаясь. — Или уже желаете сменить первый ряд на последний?

Он не успевает ответить, когда из леса начинают выходить новые твари. Хотя среди них ещё лишь один упырь и три призрака. Со вторыми проще, вероятно, это души тех, кого упыри смогли утащить в лес. Но меня удивляет Морок, который выходит вперёд, держась чуть в стороне, чтобы твари вначале обратили внимание на него, а не на принца. Вполне возможно, он при желании может справиться с нежитью голыми руками, но мужчина поворачивается ко мне и кивает, ожидая... *что я буду его защищать? Помогает мне, давая справиться в одиночку?*

Может, громила испытывает немного сострадания ко мне — той, которой нужно доказать свою полезность королевскому отпрыску, чтобы он не решил, что её воскрешение было напрасной затеей?

Моя догадка подтверждается, когда твари кидаются к Мороку, а он и головы не поворачивает, продолжая смотреть на меня. Будь он не столь опасен, я бы закричала на него, покрывая самыми отборными бранными выражениями, но я едва успеваю добежать, чтобы перехватить первого призрака, тянущего длинные руки к мужчине. С призраками проще, потому что их тела не настоящие, а мягкие, будто сделанные из слишком плотной энергии. Они рванят не столько руками, сколько сводят с ума при прикосновении, но на таких, как я, их сила не действует, и я просовываю руку с кинжалом прямо сквозь тело призрака, разрезая нити вдоль позвоночника.

Я задерживаю дыхание, чтобы не чувствовать смрад, но ощущение склизкости на руке, которая прошла сквозь его тело, и мерзкий трупный вид делают своё дело — к горлу подступает тошнота. Призрак растворяется как раз в тот момент, когда упырь прыгает на Морока, и я, сделав безрассудный шаг, загораживаю мужчину собой. Не позволяю себе вскрикнуть, лишь шиплю, когда нежить впивается мне в одно плечо зубами, прокусывая его насквозь и ломая какую-то кость. Я надеялась, что не буду чувствовать боль, но *как бы не так*. Боль почти как настоящая, как при жизни. Во второе моё плечо тварь вгоняет свои когти, повисая на мне, как огромная пиявка. От его омерзительности внутри поднимается волна злости, и я отрываю упыря от себя, разрывая свои же раны и увеличивая боль. Как только мне удаётся его сбросить, я сразу пинаю тварь и втыкаю нож ему в шею. С оставшимися двумя призраками я разбираюсь быстрее, а потом проверяю, чтобы у каждой нечисти были перерезаны нити жизни. Призраки сразу исчезают, растворяясь в воздухе, а вот упыри остаются лежать смердящими кучами костей и плоти.

Я замираю с тяжёлым дыханием, понимая, что на сегодня это всё. Из леса больше никто не собирается вылезать. Как могу, я оглядываю плечи, отмечая испорченную одежду, рваные раны, сквозь которые видно повреждённые мышцы. Крови больше, чем на ладони, но обильного кровотечения нет. Однако боль по-прежнему пульсирует, а руки начинают не-

меть. Морок с таким равнодушием смотрит на мои повреждения, что я не могу сдержаться и бросаю на него злой взгляд.

— Это было потрясающе! В одиночку убить стольких! — Принц Даниил почти аплодирует, ослепляя довольным выражением лица.

Мне хочется воткнуть его же кинжал ему в карий глаз, чтобы стереть очаровательную улыбку, но вместо этого я протягиваю оружие, возвращая его хозяину. К нам подбегает капитан Дарий со своими солдатами, проверить, всё ли хорошо с принцем.

— Сожгите трупы, — велю я капитану, и тот отдаёт приказ нескольким солдатам.

Даниил принимает мою красную мантию от одного из солдат и, подойдя сзади, заботливо накидывает её мне на плечи, скрывая жуткие раны.

— Мне больно, — тихо признаюсь я.

— Так и должно быть? — Принц удивлённо смотрит на Морока.

— Да. Но через пару дней всё заживёт. — Голос у того низкий и ровный, без каких-либо эмоций.

— Как? Я же... мертва... моё тело не восстанавливается.

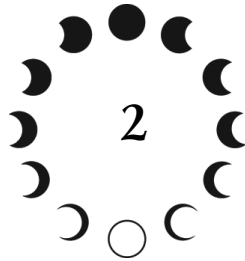
Морок вновь поворачивается ко мне, и я жалею, что поинтересовалась.

— Наша связь. Тебя вылечит моя жизненная сила, та же, благодаря которой ты вообще ходишь и болтаешь.

Я прикусываю язык, морщась от боли. Хочется ещё спросить, когда раны перестанут ныть, но я не решаюсь испытывать его терпение.

— Вы удовлетворены представлением, принц? — Я пытаюсь скрыть своё презрение, сохраняя спокойный тон.

— Более чем, дорогая Агата! — Он с нежностью обхватывает мою ладонь обеими руками. — А теперь самое время, чтобы привести тебя в порядок и представить моему отцу.

220 лет назад

-К *каякая удача!*
— Эта семья благословлена!
— Отмеченные дважды! — шепчутся селяне, собираясь вокруг дома, когда в самом начале зимы шестеро Мар в своих красных мантиях пришли, чтобы встретить новую сестру, и я среди них.

А всё потому, что одна из нас умерла неделю назад от старости. И только это произошло, как мы все почувствовали появление новой сестры, что займёт место прежней. Первый раз я среди тех, кто приветствует нового члена семьи.

Уже несколько дней как начался первый месяц зимы, но снег выпал удивительно поздно. Длительное время окружающий пейзаж был в серо-коричневых тонах, а землю покрывали полусгнившая листва да грязь от частых дождей, но стоило нам отправиться в дорогу, как пошёл снег. Валил весь

день, а потом и всю ночь, накрывая мир белым саваном и усложняя нам путь.

Когда мы добрались до нужной деревни, уже перевалило за полдень. Небо до рези в глазах голубое, солнце стоит высоко, и его лучи отражаются от белоснежного покрова. Все жители замирают, пока мы проходим мимо в своих алых плащах, а свежий снег скрывает под нашими сапогами. Мне тринадцать лет, и до этого дня я была самой младшей из сестёр.

Марой я стала три года назад, через неделю после своего десятилетия. Так же, как это происходит со всеми. Только у десятилетних девочек с чёрными волосами открываются способности.

— Ты рада, Агата? — спрашивает меня Ирина, за чью руку я цепляюсь.

Ирина — моя наставница, именно она несёт ответственность за моё обучение. Ей около семидесяти лет, но с виду можно дать максимум тридцать. Мары живут дольше обычных людей, до девятнадцати лет мы растём как все, а потом наше старение сильно замедляется. Так мне рассказали. Поэтому даже самая старшая из нас, которой исполнилось сто двадцать три года, выглядит лишь на пятьдесят.

У Ирины, как и у других Мар, длинные чёрные волосы, красивое лицо и приятная улыбка.

— Я волнуюсь, — бормочу я. — Ты знаешь, кто она?

— Нет.

— А когда вы пришли, чтобы забрать меня? Тоже не знали?

— Не знали. Ты же ощущаешь эту нить... мы все её чувствуем, как будто она зовёт, — улыбается Ирина, когда я киваю, соглашаясь. — И мы идём за ней, пока не найдём новую сестру.

— Почему вокруг шепчут странное? — вновь бурчу я, оглядываясь по сторонам.

Мне с детства не нравилось пристальное внимание незнакомых людей, но теперь из-за своей одежды и способностей я всегда на виду, меня замечают все, куда бы я ни пошла.

— Кто знает... может, они догадываются, к кому мы идём, — загадочно улыбается наставница.

Мы подходим последними, остальные сёстры уже стоят перед нужным домом. Никто из нас не станет входить, все и так понимают, что означает наше появление, и сейчас родители девочки, скорее всего, кутают дочь в тёплые одежды и собирают ей еду в дорогу... прощаются. Всё то же самое, что делали мои родители несколько лет назад. С тех пор я их ни разу не видела.

Даже если бы я захотела, то не смогла бы, потому что они покинули нашу родную деревню. Ещё одно из правил. После того как девочку забирают, её семья должна уехать. Это сдерживает новоиспечённых Мар от желания сбежать обратно в родной дом в первые несколько лет жизни в храме до того, как они привыкнут к новой семье.

Нельзя сбежать к родителям, если не знаешь, где они находятся.

Селяне тоже начинают собираться вокруг избранного дома за нашими спинами, они ждут, с интересом поглядывая на пока ещё закрытую дверь. Кто-то вслух гадает, насколько красивой станет девочка. Все уверены, что у неё будет молочная кожа и чёрные волосы под стать Моране. А вот глаза у всех Мар разные, здесь нет единства, хотя говорят, что у богини они карие, почти чёрные. У Ирины глаза светло-карие, у Киры — зелёные, такие красивые и яркие, как свежая трава, а у меня — голубые, холодные как лёд, говорила мама. Как красивый, полупрозрачный лёд.

Сёстры стоят молча, терпеливо ожидая, когда семья будет готова. Я единственная переступаю с ноги на ногу, пытаюсь согреться. Оглядываю небольшой огород перед одноэтажным простым домом, покатавая крыша которого, как и всё вокруг, покрыта толстым слоем снега, отчего деревянные стены здания кажутся почти чёрными. Окна занавешены, поэтому возможности рассмотреть что-то внутри нет. Из печной трубы валит густой белый дым, указывая, что хозяева дома. К тому моменту, как дверь начинает открываться, мои руки уже успевают озябнуть. Я в последний раз выдыхаю облачко пара на свои сжатые в кулак пальцы и только потом поднимаю взгляд.

— Мама...

Ирина сжимает мою левую ладонь, которую держит до сих пор, но не сопротивляется, когда я вытаскиваю руку и делаю несколько шагов вперёд.

— Агата, — мама тихо всхлипывает, замечая меня в толпе.

Я с недоверием смотрю на отца и мать, которые теперь стоят на пороге, как и я, не решаясь сделать шаг навстречу. Не уверены, позволено ли это. Я ещё раз оглядываю дом, не зная, чему верить, не понимая, как такое возможно. Из-за их спин выглядывает моя младшая сестра, одетая в зимний синий кафтан, утеплённый мехом. Мы никогда не были богаты, скорее даже бедны. И этот кафтан хоть и простоват, но наверняка самое нарядное, что есть у сестры. Синий цвет так подходит к её глазам, они почти как у меня, только темнее и похожи на насыщенную синеву неба. Мама часто говорила в детстве, что мы с ней красивы. Но уже тогда я знала, что это неправда. Моя сестра — настоящая красавица, от неё глаз не отвести. Её кожа и вправду молочная, чёрные волосы всегда блестели ярче, чем у меня, а глаза такие большие! Она всегда была похожа на куклу и сейчас всё такая же.

Мама раскрывает объятия, продолжая всхлипывать, и я, не задумываясь, подбегаю к ней, обнимаю её и отца, а потом пытаюсь ухватить ещё и младшую сестрёнку, но не могу дотянуться.

— Это правда!

— Вторая девочка в семье, и тоже отмечена...